

А.С. СТАРОДУБЦЕВ

ИЗ ОПЫТА РУССКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В наши дни трудно судить о степени массового интереса к истории социально-политических идей и организаций в России. Вряд ли его отличает глубина и серьезность. Казалось, настала пора найти «окончательную» правду у нашего прошлого и внести необходимую ясность в существо современных политических и псевдополитических споров и конфликтов, в калейдоскоп общественных объединений, партий, движений, множество которых, кстати, уже мало кого удивляет и заботит. Но этого не происходит, более того, многие, ранее разделявшие подобные ожидания, уверены, что это — дело безнадежное и пустое. Возможно, традиционный отечественный идеократизм основательно уступил место прагматистским настроениям, которым не противоречит облегченное восприятие политической жизни как своего рода спортивного состязания. А с этой точки зрения, именно инстинкт толпы определяет победителя, и шансов на первенство больше у того, кто не брезгует экзотикой, эксцентричностью, «модельностью» политической фигуры, ставкой на популизм-однодневку, на профана, безумца. Разве может при этом идти речь о вдумчивом отношении к личным политическим симпатиям и предпочтениям, о понимании смысла программных целей и средств их реализации, выдвигаемых теми или иными политическими организациями?

Тем не менее имеются основания и для другой версии сложившейся ситуации: России тяжело дается осознание и политическое выражение современных собственных национальных интересов, действительно объединяющих по своей значимости, а не расщепляющих, не расчленяющих намертво. Слишком крутым оказался либерализационный этап, с большим опозданием замечен кризис государственности, причем в такой стране, где традиции империи, авторитарности обладают большим весом во всех сферах жизни, в массовом сознании. Нет пока и политической организации, которая к национальным интересам России отнеслась бы с должной ответственностью и честностью. Правда, претендентов немало, но кто из них достойный? Очевидно лишь одно: сторонникам русского национального возрождения далеко не безразлична полная драматизма российская политическая история. Она заставляет думать, приучает видеть границы между идеей и ее профанацией, духовностью и безнравственностью, патриотизмом и его иллюзией.

Для объединений, опирающихся на национальные ориентации и предпочтения людей, но различных по своим политическим целям, характерны идеи и взгляды консервативного характера, что вполне естественно. Исследование культурно-исторических корней и современного смысла русского консерватизма — задача комплексная, сближающая историков, философов, политологов и социологов. Формирование научно-аналитического подхода к изучению этого идейно-политического явления находится пока на начальной стадии, и «Социс», пожалуй, выделяется среди других изданий широтой в постановке соответствующих вопросов, стремлением к объективности их социоисторического рассмотрения. Здесь возникают определенные проблемы, касающиеся восприятия и понимания феномена консерватизма в социально-политической жизни, его эволюции и границ в массовом политическом сознании. Трудность заключается не только в том, что ощутимо влияние полярных оценочных суждений, партийных стереотипов восприятия, препятствующих беспристрастному анализу.

На мой взгляд, вне поля зрения исследователя остаются пока процессы превращения идей и представлений, попадающих в зону ценностей массового обыденного сознания, воздействия на него различных складывающихся политических структур и организаций. Именно в этой зоне первоначальная логика идей и целеполагания может видоизмениться до неузнаваемости, подчиниться таким нормам, о которых и не помышляли зачинатели. При этом ирония истории бывает часто беспощадной.

В последнее время на российской социально-политической сцене появился ряд консервативных организаций, соотносящих свои позиции с монархической идеей. Они заметно

разнородны даже при простом сопоставлении: одни из них ориентированы на традиции русского дворянства, другие — на традиции казачества. Третьи же, по подобию Васильевской «Памяти», не брезгают экстремизмом и энергетикой агрессивности. Явно, что провозглашаемый и пропагандируемый монархизм приобретает довольно различные образы и порой весьма далек от представлений эмигрантской монархической элиты. Как и прежде, существует возможность его вырождения в черносотенство, в слепое превознесение тирании — карикатуры на монархию, известной по прошлой истории как сталинизм.

Очевидно, монархизм не сводится к наивному убеждению, что наилучшим устройством российского государства является правление царя, приказам которого необходимо подчиняться, боясь его немилости. Это прежде всего система ценностей и культурных норм, образующая особый тип сознания людей, а следовательно, определяющая форму государственного правления. Об этом писал русский философ И.А. Ильин, исследуя отличие монархического правосознания от республиканского как совокупностей «предпочтений души», подсознательных установок народной массы [1]. Среди предпочтений монархического правосознания им выделялись: олицетворение власти и государства-народа, культ ранга, чести, служения, традиции, дисциплины, закона, религиозное созерцание власти, пафос доверия и верности главе государства, принципы субординации, учреждения и т.п. Вместе с тем он придавал большое значение исследованию строения народного правосознания, которое исторически в силу различных факторов может быть смешанным, запутанным, сочетать и монархические и республиканские черты, а тем самым вызывать к жизни переходные государственные формы, что, между прочим, знакомо так называемым президентским республикам, конституционным монархиям, и не только Европы.

Будучи убежденным и искренним приверженцем монархии, он в то же время предостерегал других от ее непозволительной идеализации, прекрасно понимал возможные опасности, кроющиеся в процессах правосознания, уже не способного к традиционной монархии и совсем еще не готового к республиканской форме. Темная толпа может иметь монархический инстинкт, но, отстраненная от воспитания, духовности, культуры, она не в силах уберечь его от извращения, вырождения. Беспочвенные и невоспитанные монархические настроения могут привести к анархии, беззаконию. Неменьшую опасность представляют политика стравливания классов и сословий, пренебрежения благом страны, заигрывания с чернью, правление террором и т.п. Наряду с другими представителями русской интеллигенции (В.А. Маклаковым, например) Ильин усматривал в расколе между нею и монархией одну из причин последовавших роковых событий.

Ему был близок широкий социально-политический компромисс всех патриотов во имя Родины и, допуская сосуществование живого множества оттенков в правосознании людей, он не исключал реформирования монархического режима, сотрудничества монархистов и республиканцев. Возможно ли это было в предреволюционной России? Во всяком случае им поставлена важная проблема — обнаружение и исследование связи правосознания народа с правосознанием главы государства, правящих, политических элит. В исторической реальности эту связь нередко видоизменяют складывающиеся новые политические структуры, организации, появление новых лидеров, утверждение целей, диктуемых политической борьбой. Но как видоизменяют?

Не претендуя на детальное рассмотрение последнего вопроса, попытаюсь обратиться к историческому опыту, который, вероятно, поучителен для современности. Я имею в виду судьбу первой русской монархической организации — «Русского собрания» (РС), созданной в 1900 г. и распущенной по постановлению Петроградского Совета в марте 1917 г. как черносотенное объединение. Надо заметить, что ранее бытовавшее среди советских историков представление о РС как родоначальнике черносотенного движения, как и бесосновательное отождествление монархизма и черносотенства, которому, по словам В.И. Ленина, присущ «темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий» [2], подвергались сомнению в отечественной историографии начиная с 1982 г. Основания имеются.

Проблема «оседлания» политического инстинкта темной массы возникла в обстановке растущего кризиса власти и социального противостояния, по крайней мере накануне революционных событий 1905 г., и была актуальна для многих политических партий, в том числе и для большевиков. РС первоначально не только не имело отношения к черносотенному движению, но и предпринимало меры, возможно слишком слабые, для сохранения своего замкнутого элитарного характера. Эта организация сложилась как объединение

столичной, преимущественно дворянской военно-гражданской бюрократии с культурно-просветительскими целями, с задачей налаживания воспитания в славянофильском, национально-монархическом духе и имела вес лишь в узком кругу при дворе и высших правительственных структурах.

Считается, что мысль об образовании РС возникла у двух литераторов. Д.П. Голицына и В.А. Величко, а мотивом выступило желание противостоять, как сказано в официальной хронике, «опасности космополитичности высших слоев общества». Люди, возглавившие РС в период 1900—1904 гг., принадлежали в основном к титулованной знати. На учредительном собрании было 40 человек, в 1901 г. на первом заседании присутствовало уже 120 членов, а в списке членов 1906 г. указано всего 1 677 человек. Из них 75 — представители знати. В социальном отношении состав характеризовался следующим образом: 33,1% — чиновники, 22,3% — военные, 18,3% — интеллигенция, 6,3% — купцы и предприниматели, 3% — духовенство. В членах состояли также 6 губернаторов, 10 сенаторов, 9 членов Госсовета, 9 церковных иерархов. В руководстве были люди различных занятий: В.А. Величко — редактор «Русского вестника», кн. М.Н. Волконский — сотрудник суворинского «Нового времени», А.М. Золотарев — директор Центрального статистического комитета МВД, Н.Л. Мордвинов — директор канцелярии МВД по дворянским делам. Председателем РС был избран с 1901 г. князь Д.П. Голицын [3].

В цели организации входили: свободный обмен мнениями; служение русскому искусству (а как гласила статья I Устава, РС имеет целью содействовать выяснению, укреплению в общественном сознании и проведению в жизнь исконных творческих начал и бытовых особенностей русского народа). Задачи представлялись следующим образом: изучение явлений русской и славянской народной жизни в ее настоящем и прошлом, разработка вопросов словесности, художества, права, исследование всех других проявлений русской и славянской духовной и обиходной самобытности, охрана чистоты и правильности речи. Принимались определенные формы работы: устраивать членские и общедоступные заседания, чтения, музыкальные вечера и зрелища, художественные и бытовые выставки; учреждать состязания и назначать награды за сочинения на заданную тему и художественные сочинения; выпускать в свет современные издания, сборники, книги; устраивать поездки и путешествия с научными и образовательными целями; основывать на средства РС книгохранилища, читальни, содействовать распространению русского зодчества, русской одежды, русской утвари; входить с ходатайствами. Этим направлениям деятельности содействовала и структура организации.

Культурнический характер отличает выступления руководителей в первоначальный период — 1901—1903 гг. Так, Д.П. Голицын призывал бороться с нерусскими течениями исключительно мирными средствами, просветительскими, не оскорблять никого; «необходимо не разрушать чужое, а укреплять свое» [4]. В журнале «Известия Русского собрания» было помещено краткое программное заявление, в котором говорилось о необходимости «взращивать свое, русское, как бы оно ни было мало по сравнению с великолепными построениями западной мысли и западного творчества... общество нуждается в воспитании, и еще настоятельнее следует воспитывать его в сознании собственного русского достоинства... русское общественное дело должно быть основано на широком образовании». РС заявляло о стремлении развивать и укреплять в умах те живые русские понятия, которые бледнеют и стираются под натиском чужеземных наук и искусств. Показательна в этой связи тематика регулярных заседаний членов РС (избранная за 1900—1904 гг.): об исконных творческих началах и бытовых особенностях русского народа; из журнальной деятельности славянофилов; немецкие школы в России; о русской школе; о нуждах крестьян; политика трестов в Северо-Американских Штатах и ее последствия; русская община; о современном положении славянства; о влиянии иностранного капитала; духовная основа и независимость писателя; к "вопросу об основах современного критицизма; о флоте; о Хомякове; Киреевский и его миросозерцание; русская церковь перед великой задачей; о классической системе. Вместе с тем наряду с разнообразными культурными мероприятиями в 1902 г. была предпринята первая политическая акция — обращение на высочайшее имя об освобождении русской торговли от иностранного капитала.

В 1904 г. в деятельности РС нарастают тенденции иного политического характера. Можно предположить, что это было связано с возникновением целого ряда монархических обществ на правах отделов РС в провинции (Харькове, Киеве, Варшаве, Вильно и т.д.). Первый такой отдел возник в 1903-г. в Харькове, однако прецедент не был сразу воспринят

с воодушевлением в столице. Настораживала опасность утраты контроля за избранием членов и направленностью деятельности. Именно в Харькове, где, как отмечалось, «инородцы проявляют противоречащую исконным русским деятельность» [4, с. 20], зрела идея активной охранительной монархической организации. Переговоры о присоединении харьковского общества к РС заняли определенное время, и были специально оговорены контрольные функции РС.

В этом же году происходит и незаметная смена лидеров в РС: выдвижение энергичного организатора и сторонника политического действия Б.В. Никольского, вступление в организацию В. Пуришкевича и уход из организации С.Ф. Шарапова, издателя газеты «Русское дело». Последний причиной своего ухода назвал атмосферу «петербургского полицейского патриотизма», которая сложилась в РС с избранием в члены В.А. Грингмута, редактора «Московских ведомостей» [5].

И все же начало политической деятельности РС, вероятно, следует отнести ко времени первой верноподданнической депутации руководства к императору. Цель этой акции — предостеречь от опасности «дарования конституции» и заявление о поддержке РС принципов абсолютистской монархии. Нужно особенно подчеркнуть роль Никольского в подготовке данной депутации. Позднее, в 1905 г., он и Пуришкевич атаковали умеренную позицию РС, призывая к террору, самосуду [6], а не найдя поддержки у членов, организовали «Общество активной борьбы с крамолой». Незадолго до этого в Одессе был образован отдел РС, который возглавил черносотенец Б. Пеликан. В это же время члены киевского отдела РС взялись распространять прокламацию, где черным по белому рекомендовалось «избивать социалистов, жидов, студентов, профессоров» [7]. В конце 1905 г. в условиях начала революционных страстей меняется состав членов РС, растет число сторонников экстремистских мер, принимается агрессивная программа, выдвинутая Никольским, ему же принадлежит обращение к императору о еврейско-масонском заговоре.

О вырождении первоначального духа РС свидетельствует и выдвижение на первый план объединительной тактики с «Русской монархической партией», «Союзом русских людей», «Союзом русского народа». Основные вехи создания монархического фронта (блока) фиксируются съездами РС в феврале, апреле, октябре 1906 г. Третий съезд избрал руководящий орган — «Главную управу объединенного русского народа», в который вошел представитель «Союза русского народа». IV съезд (май 1907 г.) означал уже полное поглощение РС черносотенным агрессивным движением. Руководителем блока стал черносотенец А.И. Дубровин. Как отмечал в те дни «Вестник Русского собрания», первые два съезда были интеллигентными, вторые два — народными. РС оказалось неспособным найти политическую связь с массой, его дальнейшая деятельность характеризуется ростом оппозиционности по отношению к политике Столыпина, скандальными столкновениями за лидерство между Дубровиным, Никольским, Пуришкевичем, темными финансовыми махинациями различных черносотенных группировок. Превращение РС в политическую организацию закончилось, таким образом, его крушением.

Конечно, краткий очерк эволюции РС не может восполнить картину борьбы различных политических сил за массы. РС по своим принципам не могла перерасти в массовую организацию политического характера, и первенство выпало на долю черносотенного «Союза». Важно и то, что РС постепенно утрачивало связь с интеллигентскими кругами, становилось игрушкой в руках политических авантюристов. Судьба РС, которая определялась отнюдь не в 1917 г., а значительно раньше, возможно, типична для состояния монархического правосознания России, пережившего глубокий кризис, бессилие и падение монархии. Она дает представление о реальных опасностях, подстерегающих монархизм, сокрушающих его. Ставка на насилие, агрессивность не увенчалась успехом, и не был услышан голос думающих и идейных монархистов, В заключение хочется привести слова И.А. Ильина, которые обращены и к потомкам: «Монархия требует или живой традиции, или духовной зрелости; вероятно, традиция порвалась; ...кровью можно пресечь, но нельзя создать и построить, а терзать Россию новою гражданской войною во имя водворения ложной, партийной монархии на крови честных, но иначе мыслящих русских патриотов — это надо предоставить героям "правой стенки"» [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильин И.А.* О монархии и республике // *Вопр. филос.* 1991, №№ 1,2.
2. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 24. С. 18.
3. Список членов «Русского Собрания» с приложением исторического очерка Собрания. СПб., 1906. С. 3.
4. Праздник русского самосознания. Харьков, 1903. С. 15.
5. Русское дело. 1905. № 8.
6. Из переписки Б. Никольского с Антонием Вольским // *Былое.* 1923. №21. С. 162.
7. *Левицкий В.* Правые партии // *Общественное движение в России в начале XX века.* Т. 3. СПб., 1914. С. 372.
8. *Возрождение.* 1926. 9 мая. № 341.

